

ТРУДЫ

ОРЕНБУРГСКОЙ

Ученой Архивной Коммиссіи.

O E U V R E S

de la Commission scientifique des Archives d' Orenbourg.
Russie.

ВЫПУСКЪ IX.

TOME IX.

1902.

ОРЕНБУРГЪ.

Губернская Типо литографія.

Заботы императрицы Екатерины II о просвѣщеніи киргизовъ.

Императрица Екатерина II, заботясь вообще о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, не упустила изъ виду сдѣлать первыя попытки къ образованію и киргизовъ. Вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, а именно 8 апрѣля 1763 года коллегія иностранныхъ дѣлъ предписала оренбургскому губернатору тайному совѣтнику Афанасію Романовичу Давыдову, что ею опредѣлено, что «хотя въ Оренбургѣ содержащіеся аманаты отъ Нурали хана киргизъ-кайсацкаго и тамошнихъ старшинъ берутся по введенному уже обыкновенію для обязательства ихъ и вѣрности и воздержанія отъ продерзостей, со всѣмъ тѣмъ по состоянію сихъ варварскихъ народовъ не обходится однако же безъ того, чтобъ и при томъ не происходило отъ нихъ при здѣшнихъ мѣстахъ воровства, плѣненія людей и самаго убійства, и потому, разсуждается, не можно ли будетъ, пользуясь бытностію такихъ аманатовъ, стараться отводить отъ варварскихъ нравовъ и *вселять въ нихъ людкость и лучшее обхожденіе*, доводя ихъ до того, чтобъ они часто обращались съ россіянами и, преклоняя ихъ токмо весьма исуснымъ образомъ, чтобъ они россійскаго языка да и грамотѣ обучались, внушая, что имъ языкъ и грамота русская потребна и великую подастъ способность со всѣми русскими людьми самимъ безъ переводчиковъ говорить, и, куда потребно, писать и отъ нихъ читать письма. Когда нѣсколько человѣкъ изъ находящихся въ здѣшнихъ мѣстахъ изъ сихъ варварскихъ народовъ аманатовъ чрезъ то исправлены были бы, со временемъ и другіе изъ ихъ народовъ лучшее обхожденіе отъ нихъ перенимать стали бъ, только надобно съ крайнею осторожностію и искусствомъ доводить ихъ до того чтобъ они здѣшняго языка и грамотѣ обучались по собственной ихъ охотѣ, дабы

инако отцы ихъ и родственники, какъ магометане, напрасно встревожены не были, будто иные ихъ аманаты наставляются въ христіанскомъ законѣ для привлеченія ихъ и дѣйствительно потомъ во оный, а такимъ способомъ, наконецъ, и всѣхъ ихъ»^{*)}).

Послѣдствіемъ этого указа было то, что во время управленія Оренбургскимъ краемъ тайнаго совѣтника князя Авраама Артемьевича Путятина, занимавшаго должность оренбургскаго губернатора съ декабря 1764 года по 29 сентября 1768 года, какъ передаетъ Л. Мейеръ, находившійся въ Оренбургѣ въ аманатахъ въ 1764 году сынъ хана Малой орды Нурали султанъ Аблай, часто бывая въ домѣ князя Путятина, получилъ большую склонность къ нашимъ порядкамъ, одѣвался по европейски и принялъ христіанство, и тѣмъ не менѣе, говоритъ тотъ же авторъ, пограничное начальство позволило хану Нурали взять его обратно въ степь и замѣнить другимъ сыномъ Бегали и, такимъ образомъ, этотъ преданный Россіи человѣкъ пропалъ безъ пользы, хотя де преданность его не была куплена подарками^{**)}

Дальнѣйшихъ результатовъ приведенный указъ не имѣлъ, такъ какъ 18 марта 1770 года императрица Екатерина II объявила, по обстоятельствамъ совершенно не относящимся къ предмету моего изложенія, что въ содержаніи аманатовъ отъ киргизскихъ ордъ для Россіи болѣе надобности нѣтъ. Между тѣмъ киргизы продолжаютъ, какъ и раньше, дѣлать постоянные набѣги на наши пограничныя селенія башкировъ и калмыковъ, отгоняютъ скотъ, уводятъ въ плѣнъ людей (напримѣръ, изъ одной маленькой Тоцкой крѣпости уведено въ 1774 году киргизами 52 человѣка), производятъ убійства и т. п.; принимаемая же мѣра русскимъ правительствомъ и пограничными властями не достигаютъ цѣли, даже воинскіе поиски остаются безъ результата. Въ бунтѣ Пугачева киргизы хотя участія и не принимали, но пользуясь смутой, дѣлали дерзкіе набѣги на нынѣшній Новоузенскій уѣздъ теперешней Самарской губерніи и доходили даже до Казанскаго уѣзда. При посылкѣ воинскихъ командъ въ степь по-

^{*)} Архивъ тургайскаго областного правленія, указъ 1763 года, стр. 43.

^{**)} А. Мейеръ. Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства, изд. 1865 года, стр. 15.

слѣдвія по незнанію мѣстности не могли далеко преслѣдовать непріятеля, а съ другой стороны часто нападали на мирныхъ, непрічастныхъ къ грабежамъ, киргизовъ, что только озлобляло киргизскій народъ и сопровождалось новыми болѣе отважными и дерзкими набѣгами на наши границы.

Пугачевскій бунтъ ясно показалъ, что Оренбургскій край, населенный башкирами, калмыками, киргизами, тептярями и другими инородцами, далеко еще нельзя считать русской провинціей или губерніей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Русское населеніе этого края, численность котораго достигала передъ бунтомъ Пугачева 200000 съ небольшимъ включая сюда и уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ на пространствѣ, окружность котораго была болѣе 500 верстъ, не могло служить достаточнымъ уравнивающимъ элементомъ. Въ то же время и наше правительство по случасю постоянныхъ войнъ и устройства Новороссійскаго края не могло удѣлять слишкомъ большаго вниманія восточнымъ окраинамъ. Разумѣется можно было бы на непродолжительное время послать для усмиренія киргизовъ и значительный отрядъ, но это значило потерять ихъ навсегда, такъ какъ киргизскіе ханы и безъ этого мечтали, откочевавъ отъ русскихъ границъ, перейти въ китайское подданство (а ханъ средней орды Аблай и считался подданнымъ богдыхана) и переселиться на земли уничтоженной китайцами въ 1756 году Зюнгари; тогда мы потеряли бы не только нѣсколько сотъ тысячъ подданныхъ, могущихъ хотя и въ отдаленномъ будущемъ слиться съ русскимъ народомъ, но и могли бы лишиться весьма значительныхъ выгодъ торговыхъ.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ Императрица Екатерина II рѣшила поселить въ инородцахъ «людость и лучшее обхожденіе» иымъ способомъ: она предписала управляющему уфимскимъ и симбирскимъ намѣстничествомъ генералъ поручику Ивану Варооломееву чу Якобію (указъ отъ 8 іюля 1782 года) строить на границахъ Уфимскаго намѣстничества и Тобольской губерніи мечети по плану ею одобренному и отпустить на ихъ постройку изъ средствъ государственнаго казначейства 20000 рублей въ теченіи четырехъ лѣтъ, начиная съ 1783 года. Затѣмъ, указомъ отъ 2 мая 1783 года на имя управлявшаго тѣмъ же намѣстничествомъ генералъ поручика Акима Ивановича Апухтина подтверждаетъ «о скорѣй-

шемъ окончаніи мечетей для народовъ магометанскаго закона». Мечети въ четырехлѣтній срокъ дѣйствительно были построены въ Оренбургѣ около Мѣнового двора, въ Верхнеуральскѣ, Троицкѣ и Петропавловскѣ. Зданія были выстроены каменные, подряднымъ способомъ, внутри прилично обставлены, насколько позволяетъ это сдѣлать простота магометанскихъ молитвенныхъ домовъ; полъ былъ устланъ сукномъ, къ потолку привѣшена люстра, на стѣнахъ прибиты шандалы и проч.. Постройка мечетей въ указанныхъ выше мѣстахъ была произведена по слѣдующимъ соображеніямъ: «первой — въ Оренбургѣ, въ разсужденіи близости пребыванія меньшей орды Нурали хана; второй — въ Верхнеуральскѣ, по случаю расположенія всѣхъ знатныхъ старшинъ своимъ кочевьемъ противъ верхнеуральской дистанціи; третьей — въ Троицкой крѣпости, по причинѣ продолжаемой тамъ торговли и для лучшаго ихъ по сему поводу пріюченія къ непрерывному пріѣзду и четвертой — въ Петропавловской крѣпости*) по соглашенію уфимскаго и симбирскаго генералъ-губернатора Якобія съ пермскимъ и тобольскимъ генералъ-губернаторамъ Огаревымъ, въ виду, вѣроятно, близости пребыванія хана средней орды Гали».

6 августа 1785 года правящій должность уфимскаго и симбирскаго генералъ-губернатора генералъ-поручикъ баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ донесъ Императрицѣ, что построенныя въ Оренбургѣ и Троицкой крѣпости мечети открыты, на что государыня 4 сентября того-же года отвѣтила: «не сомнѣваемся, что такое сооруженіе мѣсть для публичной молитвы привлечетъ и прочихъ въ близости кочующихъ или обитающихъ на границахъ нашихъ, *и сіе и можетъ послужить со временемъ способомъ къ воздержанію ихъ отъ своевольтвъ лучше всякихъ строгихъ мѣръ*. Вслѣдствіе того нужно есть: первое — при помѣнутыхъ мечетяхъ построить татарскія школы по примѣру казанскихъ и тутъ же завѣсти караванъ-сарай или гостинные дворъ каменные для выгоды торгующихъ магометанъ; второе — мечети обвести каменнымъ заборомъ, освѣдомясь у татаръ, какъ то пристойно по ихъ обычаю; третье — гдѣ жъ вновь слѣдуетъ построить мечети и особливо въ такихъ мѣстахъ, кои удобнѣе другихъ посѣщаемы быть могутъ, стараться оныя такъ

*) Архивъ турайскаго областного управленія. Дѣло № 115—1161 стр. 23.

расположить, что хотя и до тысячи пяти сотъ человекъ въ нихъ вмѣститься могло. О людяхъ, потребныхъ для татарскихъ школъ, не оставьте снести съ казанскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Мещерскимъ». 27 ноября того же 1785 года въ п. 7 указа о киргизскихъ дѣлахъ Императрица снова подтверждаетъ Игельstromу о постройкѣ мечетей и школъ. 12 ноября 1786 года въ рескриптѣ на имя того же Игельstromа Государыня опять пишетъ: «какъ предписано уже отъ Насъ устроить при мечетяхъ школы, то принять мѣры къ скорѣйшему введенію тамо ученія по формальнымъ правиламъ, заимствуя оныя изъ устава народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи, Нами апробованнаго, и снесясь о томъ съ комиссіею о народныхъ училищахъ».

Замѣчу, что эти распоряженія дали поводъ говорить многимъ авторамъ, въ томъ числѣ Н. М. Чернавскому *), что въ дѣйствительности было заведено много магометанскихъ школъ для киргизовъ, а оренбургская школа тѣмъ же авторомъ даже возведена въ главную школу, на самомъ же дѣлѣ была лишь открыта всего одна школа при оренбургской мѣновнинской мечети.

28 февраля 1789 года, наконецъ, Государыней былъ утвержденъ и штатъ служащихъ при оренбургской мечети и школъ. Штатъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Имамъ, или предстоятель при молитвѣ народной быть долженствующій, съ содержаніемъ 50 рублей въ годъ.

Два муаззина т. е. призывающихъ гласно народъ на молитву, съ содержаніемъ по 20 рублей въ годъ.

Два каимама т. е. пономаря, съ содержаніемъ 16 рублей въ годъ.

Мударрисъ, или публичный учитель магометанской религіи, съ содержаніемъ 60 рублей въ годъ.

64 ученикамъ школьнымъ 1125 рублей.

На содержаніе школьныхъ домовъ, на покупку дровъ, свѣчъ, учебныхъ книгъ, бумаги и пр.—700 рублей.

А всего на содержаніе мечети и школы повелѣно было отпускать по 2007 рублей въ годъ.

Баронъ Игельstromъ по полученіи указа объ утвержденіи штатовъ школы предписалъ пограничной экспедиціи «учи-

*) Н. М. Чернавскій. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. изд. 1900 г., выпускъ первый, стр. 126.

лице открыть въ непродолжительномъ времени и пополнить число недостающихъ при оренбургской мечети положенныхъ въ штатѣ мечетныхъ служителей, но прежде опредѣленія представить ихъ мнѣ; второе—публиковать во всѣ киргизскіе Меньшей орды роды, что Ея Императорское Величество, попечаясь всемилостивѣйше о просвѣщеніи народа ихъ, указала учредить при здѣшней мечети для дѣтей ихъ школу, въ которую для заимствованія ученія закону ихъ и грамотѣ могутъ присылать и принимаемы будутъ .отъ каждаго изъ тридцати двухъ частныхъ ихъ родовъ по два человѣка ихъ дѣтей, которымъ и содержаніе будетъ производиться по пяти копѣекъ въ день. При учиненіи въ киргизскіе роды о заведеніи здѣсь школы публикаціи извѣстить оныя также, кто къ сей школѣ назначены учителями».

На утвержденіе генераль-губернатора пограничной экспедиціей на должности мечетныхъ служителей были представлены слѣдующія лица: въ имамы —Белебеевской округи деревни Кубековой теятяръ Хаджи-Мухамедъ Зайтовъ, въ муларрисы—Гентовской слободы купецъ—мулла Султанъ Муратъ Габдулкаримовъ, въ муаззины—Сеитовской слободы Габдулрахманъ Габдулгазисовъ и Габдулрахимъ Габдулрешитовъ и въ каимамы—Белебеевской округи деревни Думаевой башкиръ Баязитъ Уразмановъ и Бирской округи деревни Бульковой Гадѣль Бикметевъ. Изъ этихъ лицъ 17 сентября 1789 года генераль губернаторъ утвердилъ въ должностяхъ Зайтова, Габдулгазисова и Уразманова, а на остальные должности предписалъ Зайтову прискаты болѣе способныхъ людей. 7 августа 1790 года въ должности муларриса утвержденъ Бугульминской округи деревни Бавлы мещерякъ Му-суллямъ Мансуровъ.

19 декабря 1789 года пограничная экспедиція разослала въ Малую орду приглашенія привозить въ школу дѣтей слѣдующимъ лицамъ: алимупинскаго поколѣнія главнымъ старшинамъ—бѣямъ: Жанназару, Каракубеку, Муразбеку и десяти родовымъ старшинамъ; байулинскаго—главнымъ старшинамъ: батырю Сырымъ Датову, бію Каратау Гумерзакову и семнадцати родовымъ старшинамъ и семиродскаго—главнымъ старшинамъ: батырямъ Тлянчи Букенбаеву и Жанбулату Карабанову и тринадцати родовымъ старшинамъ. Хану Нурали и султанамъ приглашенія не разсылались, такъ какъ

правительство въ это время предполагало ханскую власть въ Малой ордѣ уничтожить и Нурали содержался въ Уфѣ; дѣлами же въ степи управляли родовые старшины, назначенные Игельстромомъ, главное же вліяніе на ходъ событій въ Малой ордѣ имѣлъ батырь байбактинскаго рода Сырымъ Датовъ, съ которымъ пограничное начальство и сносилось по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ.

Всѣ приготовленія къ началу открытія школы были сдѣланы, между тѣмъ два дома, предназначавшіеся для этой цѣли, не были готовы и, вѣроятно, постройка ихъ окончена не ранѣе 1793 года, такъ какъ ученики—киргизы до этого времени направлялись, какъ увидимъ, для ученія къ мулламъ въ Сеитовскій посадъ.

Первымъ представилъ въ школу сына коллежскій ассесоръ султанъ Джигангеръ (сынъ Каипа, бывшаго ханомъ въ Хивѣ) при письмѣ отъ 26 декабря 1791 года на имя предсѣдателя пограничной экспедиціи генералъ-маіора Ивана Андреевича фонъ-Гирейдена. Вотъ что писалъ Джигангеръ Каиповъ: «отправилъ я къ вашему превосходительству сына моего Бишинъ солтана съ двумя при немъ товарищами—Аминбаемъ Сатулгановымъ да Янназаромъ Дервишевымъ для обученія мухаметанскаго нашего закона въ настоящее зимнее время въ оренбургской подгородной Сеитовской слободѣ, а по наступленіи лѣта въ построенной по высочайшему Ея Императорскаго Величества изволенію школѣ. Ежели Богъ жизнь его, Бишинъ солтана, продолжить, то намѣренъ я къ обученію его употребить три года, а затѣмъ другого отдать, а какъ сей мой сынъ малолѣтенъ, то вашего превосходительства прошу учителю отъ стороны вашей приказать, дабы онъ, сколько ему возможно будетъ, старался обучать его, между прочимъ, вѣжливости и законнымъ порядкамъ, ибо хотя онъ въ киргизъ-кайсацкомъ народѣ и солтанъ, однако жъ, какъ находящійся въ степи, требуетъ особливаго ученія». Экспедиція не встрѣтила препятствій къ принятію для обученія Бишина, но затруднилась при немъ держать присланныхъ Джигангеромъ двухъ человѣкъ, о чемъ и донесла генералъ-губернатору Александру Александровичу фонъ-Пеутлингъ, который отвѣтилъ, что одного служителя оставить при Бишинѣ и «кормовое содержаніе ему производить такъ, какъ и прочимъ киргизамъ прозводится» и вмѣстѣ съ тѣмъ до-

велъ объ этомъ до свѣдѣнія государыни. Указомъ отъ 28 марта 1792 г. Императрица Екатерина II по этому поводу дала знать, что «при дѣтяхъ, присылаемыхъ отъ киргизцевъ въ заведенное въ Оренбургъ для обученія училище, позволяется оставлять и служителей, но не болѣе двухъ при одномъ и то смотря по знатности рода и заслугамъ отца малолѣтняго ученика, коимъ производить и содержаніе безнужное изъ суммы на пограничные расходы отпускаемой».

Первому ученику киргизской школы, однако, пришлось недолго учиться: онъ умеръ 3 февраля 1792 года отъ оспы. Экспедиція пограничныхъ дѣлъ, увѣдомляя отца о смерти сына, писала, что Бишинъ «заболѣлъ оспою, отъ которой сколько въ пользованіи чрезъ медицинскихъ служителей попеченія принимаемо не было, къ крайнему сожалѣнію волею Божіею померъ, тѣло коего по вашему магометанскому закону надлежащимъ образомъ близъ Сеитовской слободы погребено, чему всѣму очевидцами свидѣтелями были присланные при сынѣ вашемъ киргизцы Аманбай да Яназаръ».

Второй ученикъ былъ представленъ въ школу по возстановленіи ханской власти въ Малой ордѣ ханомъ Ирали при письмѣ въ пограничную экспедицію отъ 13 ноября 1792 года. Ханъ прислалъ для обученія своего шурина султана Абдулфеиса и при немъ сына муллы Джебая, прося отдать «его, Абдулфеиса солтана, въ Каргалу (Сеитовскій посадъ) и приказать изъ тамошнихъ одному хорошему муллѣ прилежнѣе обучать, при чемъ ему, Абдулфеисъ солтану, изъ казны Ея Императорскаго Величества и кормовыя деньги производить и хорошую квартиру дать, а когда онъ пожелаетъ возвратиться въ домъ свой по какой либо надобности, тогда его и на подводахъ препроводить велѣтъ». Принять этого ученика въ школу экспедиція затруднялась и вотъ по какимъ причинамъ: 1) что Абдулфеисъ—султанъ, а о султанахъ въ указахъ ничего не говорится, чтобы можно было ихъ принимать въ школу; 2) по справкамъ, наведеннымъ экспедиціей, оказалось, что «Абдулфеисъ султанъ происходитъ отъ роду хивинскаго Ширгазы хана, который въ 1717 году отправленное въ Хиву подъ команду лейбъ-гвардіи капитана князя Черкаскаго немалолюдное российское войско разбилъ и погубилъ, и онъ, Абдулфеисъ, будетъ Ширгазы хану правнукъ, слѣдовательно, въ уваженіе рода его,

Абдулфеисова, кажется недостойнъ онъ пользоваться высокочайшею Ея Императорскаго Величества благосклонностію»; 3) «онъ, Абдулфеисъ, не малолѣтенъ, а имѣетъ 20 уже лѣтъ» и 4) «приданный къ нему малолѣтокъ Русебай—сынъ хивинскаго муллы именемъ Абдуллы». Эти недоразумѣнія экспедиціи генераль-губернаторъ Пеутлингъ въ предписаніи отъ 7 декабря того же года разрѣшилъ такимъ образомъ: «хотя доставленный отъ Ирали хана въ экспедицію для обученія татарской грамотѣ Абдулфеисъ—солтанъ и произошелъ изъ роду хивинскаго и что прадѣдъ его учинилъ россійскому войску великое разбитіе, но какъ сіе произошло по военнымъ обстоятельствамъ, а къ тому жъ Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая наша государыня, по безпримѣрному Ея челоуѣколюбію, не позволяетъ чинить взысканія на дѣтяхъ за преступленія отцами ихъ содѣянные, и для того благоволитъ пограничная экспедиція приказать Абдулфеиса солтана татарской грамотѣ по надлежащему обучать, производивъ ему и служителю его по приличію состоянія ихъ кормовыя деньги». 15 декабря, наконецъ, Абдулфеисъ былъ водворенъ въ Сеитовской слободѣ и отданъ для обученія указному муллѣ Валиту-Мухаметъ Аминеву съ тѣмъ, чтобы «онъ, Аминевъ, получа его, солтана, старался грамотѣ и правиламъ магометанскаго закона обучать со всевозможнымъ радѣніемъ». Какъ долго этотъ ученикъ обучался и чему научился, свѣдѣній не сохранилось.

О дальнѣйшей судьбѣ школы мнѣ не удалось найти какихъ либо свѣдѣній въ архивѣ тургайскаго областного правленія. Вѣроятно, она влачила жалкое существованіе, имѣя по 1 или по 2 ученика въ годъ, такъ какъ киргизы въ то время совершенно еще не были расположены отдавать своихъ дѣтей въ школы, хотя бы и магометанскія. Н. Е. Алекторовъ въ своемъ трудѣ «Очеркъ народнаго образованія въ Тургайской области» приводитъ единственный фактъ, что въ 1808 году «въ школѣ при мечети мѣнового двора г. Оренбурга обучалось 12 киргизскихъ мальчиковъ*»). Въ 1817 году изъ 2007 рублей, отпускавшихся на содержаніе мечети и школы при оренбургскомъ мѣновомъ дворѣ, 1125 рублей присоединены къ капиталу на учрежденіе въ г. Оренбургѣ

*) Н. Е. Алекторовъ, Очеркъ народнаго образованія въ Тургайской области, изд. 1900 г., стр. 2

Неплюевского училища, а остальные 882 рубля обращены на содержание оренбургских городской и мѣновнинской мечетей.

Такимъ образомъ изъ этихъ данныхъ можно заключить, что киргизская школа при оренбургской мѣновнинской мечети не имѣла никакого вліянія на распространеніе среди киргизовъ татарской грамотности и магометанскаго вѣроученія.

Попытки великой государыни Екатерины II вселить въ киргизахъ «любкасть» при посредствѣ просвѣщенія были только первымъ сѣменемъ, брошеннымъ на дикую, некультурную почву, которое хотя и долго пролежало совершенно нетронутымъ, но пришло время, когда оно пустило ростки, а затѣмъ стало приносить плоды. Теперь киргизскія степи покрыты сотнями русскихъ школъ.

Заканчивая очеркъ о заботахъ Екатерины II о просвѣщеніи киргизовъ, не могу не сказать нѣсколько словъ по поводу того, что въ мѣстной интеллигентной публикѣ и въ печати установилось, по моему, совершенно невѣрное мнѣніе о томъ, что «политика вѣротерпимости и даже», будто бы, «покровительство исламу, въ ожиданіи политическихъ выгодъ, принятыя въ царствованіе Екатерины II, особенно пагубно отразились на киргизахъ^{*)}». Такъ, на примѣръ, говоритъ въ только что вышедшемъ трудѣ «Оренбургская епархія» Н. М. Чернавскій. Не касаясь вопроса о томъ, насколько удобно говорить о вредѣ религіозной терпимости, замѣчу, что разсужденія о покровительствѣ исламу основаны на недостаточномъ знакомствѣ съ исторіей киргизскаго народа вообще и, въ частности, съ исторіей этого народа послѣ принятія имъ русскаго подданства. Киргизы, какъ извѣстно, задолго до принятія русскаго подданства уже были магометане и духовныхъ служителей получали изъ Бухары, Хивы и, вѣроятно, изъ другихъ тогдашнихъ мелкихъ средне-азіатскихъ ханствъ. Если киргизы, какъ въ прошломъ, такъ еще и въ настоящемъ (XIX) столѣтіи не такъ наружно религіозны, какъ, на примѣръ, татары, которыхъ мы постоянно имѣемъ передъ глазами, то это еще далеко не значитъ, чтобы они не были магометанами. Извѣстно, что у большинства народовъ религіозность есть ничто иное, какъ особый видъ самосознанія,

^{*)} Н. М. Чернавскій. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ, изд. 1900 года, выпускъ первый, стр. 123.

прикрывающій чувство народности. Это то самосознаніе и мѣшаетъ чаще всего измѣнить религію, такъ какъ предполагается, что съ утратой старой религіи утрачивается и національность. Не лишены этого самосознанія и киргизы. Но это только одна сторона. Нужно еще обратить вниманіе на то, что такое представляли изъ себя въ политическомъ отношеніи киргизскія орды въ послѣдней четверти XVIII столѣтія и какъ онѣ держали себя по отношенію къ своей метрополи. Ханы, поставленные нашимъ правительствомъ во главѣ Средней и Малой ордъ, въ большинствѣ не исполняли требованій пограничныхъ властей, въ свою очередь и народъ не слушался русскихъ ставлениковъ. Отдѣльныя шайки киргизовъ постоянно нападали на нашихъ подданныхъ калмыковъ, башкиръ, русскія пограничныя селенія, угоняли скотъ, уводили въ плѣнъ людей, провозводили постоянно убійства. Между тѣмъ, какъ и выше я уже говорилъ, правительство не только не располагало средствами къ усмиренію киргизовъ и водворенію среди нихъ гражданственности, но и опасалось совершенно ихъ потерять. Вотъ при этихъ то крайне неблагоприятныхъ условіяхъ императрица Екатерина II и рѣшилась при посредствѣ религіознаго чувства и татарской грамотности положить начало, такъ сказать, прирученію киргизовъ или какъ въ екатерининское время выражались «вселить людкость и лучшее обхожденіе», но отнюдь не для укрѣпленія ихъ въ магометанствѣ. Но и эти пожеланія по отношенію къ киргизамъ остались только пожеланіями: учениковъ въ киргизской школѣ почти не было да, вѣроятно, и тѣ, которые въ нее поступали, были всѣ султанскаго происхожденія, т. е. того сословія, котораго не любилъ народъ, но которое стремилось всѣми способами удержать въ своихъ рукахъ власть, хотя бы и при посредствѣ русскихъ. Что же касается мечетей, то киргизы и теперь не особенно ихъ любятъ посѣщать, а въ то время, вѣроятно, совершенно въ нихъ не заглядывали. Затѣмъ тотъ же авторъ приводитъ распоряженія императрицы Екатерины II о посылкѣ въ степь въ качествѣ писарей во вновь открытыя учрежденія (ханскій совѣтъ, расправы) муллъ и видитъ въ этомъ также средство къ привитію къ киргизамъ ислама и «неисчислимыя затрудненія къ обрусенію ихъ», киргизовъ. На это нужно замѣтить, что подъ словомъ мулла нельзя здѣсь подразумѣвать непременно духовное ли-

цо, а только лицо грамотное по-татарски и несомнѣнно знающее русскій разговорный языкъ.

Г. Чернавскій находитъ, что до восшествія на престолъ императрицы Екатерины II политика по отношенію къ киргизамъ была иная, и приводитъ въ подтвержденіе этого единичный фактъ, когда коллегія иностранныхъ дѣлъ не согласилась удовлетворить ходатайство хана Нурали о постройкѣ мечети около могилы его отца хана Абдулхаира. Если мы припомнимъ, что постройка мечетей для киргизовъ разрѣшалась еще императрицей Анной Иоанновной, что принятіемъ киргизами Малой и Средней ордъ подданства Россіи въ значительной мѣрѣ обязана татарину—Тевкелеву, который въ послѣдующіе тридцать лѣтъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ велъ сношенія съ киргизскими владѣльцами и, затѣмъ, что во все XVIII столѣтіе и большую половину XIX мы всегда имѣли для сношеній съ киргизами большее или меньшее количество надежныхъ татаръ, то станетъ яснымъ, что политика по отношенію къ киргизамъ, какъ во время предшествующее Екатеринѣ II, такъ и въ ея время и еще долгое время спустя была одна и та же, или, говоря иными словами, чего мы, русскіе, сами не могли уладить съ киргизами, то улаживали татары. Екатерина II, однако, приступила къ постройкѣ мечетей и открытію татарской школы не ранѣе того, какъ увидѣла, что время обрусенія киргизовъ еще не наступило. Такимъ образомъ, намъ кажется, обвинять императрицу Екатерину II въ насажденіи ислама среди киргизовъ нѣтъ никакого основанія, а напротивъ при помощи татаръ и башкиръ мы приручили киргизовъ, сдѣлали ихъ гражданами Русской Имперіи, а затѣмъ, когда этого достигли, явилась уже возможность насаждать среди нихъ и русскую культуру. Татары и мечети, по моему, только были тѣмъ мостомъ, черезъ который предварительно должны были пройти киргизы для сближенія съ русскими, но не больше, и императрица Екатерина II столько же была виновата въ обмусульманеніи киргизовъ, сколько ея предшественники и дѣятели слѣдующей за нею эпохи. Мечети и киргизская школа, устроенныя императрицей Екатериной II, по моему глубокому убѣжденію, есть лишь лишній благопріятный поводъ для лицъ, желающихъ найти безъ труда объясненіе укрѣпленія киргизовъ въ магометанствѣ въ распоряженіяхъ нашего прави-

тельства, по не желающихъ вникнуть въ смыслъ этихъ рас-
пораженій и тѣхъ обстоятельствъ, которыми онѣ были вы-
званы.

А. Добросмысловъ.

